

Лицо Александра Збруева — это лицо целого поколения. Как Олегу Стриженову или Алексею Баталову, Александру Збруеву удалось сыграть судьбу своих современников. Такие люди — страстные идеалисты, непокорные интеллигенты и хулиганы с душой поэтов — редкость. Смотри фильмы с его участием, вы понимаете, что любимые герои актера остались в недавней, но прошлой жизни. И сам Александр Збруев в последних картинах Дмитрия Астрахана "Ты у меня одна" и "Все будет хорошо" — совсем другой. Вот только грусть и усмешка в глазах все те же.

Кто-то, наоборот, говорит: "Мне на всех наплевать", — и ходит в рваных ботинках и джинсах, разговаривает тихим голосом и редко мочет голову. Это тоже эпатаж, но совсем другого рода. При этом у каждого из них — свой зритель. Актер выбирает его, ждет, интуитивно чувствует. Петр Мамонов, например, со своими спектаклями "Лысый брюнет" и "Полковнику никто не пишет" не рассчитывает на публику чужого круга. Он подсознательно ждет своего зрителя.

— Многие актеры ищут себя и даже некоторые находят в шоу-бизнесе. "L-клуб", кафе "Обломов", увеселительные программы, гимнастики, рецепты. Почему вы некоторое время вели передачу "Фабрика грез"?

— Я очень долго не соглашался, хотя предлагали вести и "Кинопанораму", и другие передачи. Я понимал, что телевидение компенсирует актерскую невостребованность, которую я тоже ощущаю, но попробовать согласился не поэтому. Телевидение — опасная штука, оно скрашивает всех. Здесь надо уметь существовать деликатно, а главная задача — остаться самим собой. Что они во мне нашли, почему пригласили? Наверное, потому что я Ганжу играл в "Большой перемене", хотя были другие кандидатуры, достойные и уважаемые. А я подумал: с кино у нас слабовато; чтобы не забывали фильмы, актеров, режиссеров, художников, чтобы с помощью телевидения зритель вновь обратился к кино, стоит попробовать. Хотя до сих пор не знаю, почему я согласился.

— Вам не приходила мысль попробовать себя в режиссуре или в педагогике?

Звания: "Россия", "Октябрь". За рубежом на премьеры в кинотеатры до сих пор стоят колоссальные, громадные очереди. У них существует проблема маленького кинотеатра, у нас, наоборот — гигантского. Конечно, теплее, уютнее в театре. Хотя и театр меняется стремительно, как и все в нашей жизни, когда день проходит за пять, за десять. Все так бешено крутится, вертится, угнаться за этим нет никакой возможности и смысла. Только успеваешь ахать. В театре есть положительная консервативность, традиционность, постоянство. Пока эти качества сохраняются. Не знаю, что произойдет, если театры перейдут на контртрактную систему. Думаю, что все закончится. Самая большая заслуга русского театра по сравнению с театрами всего мира — это постоянная труппа репертуарного театра. Идеальный театр дает возможность режиссеру никого не приглашать со стороны: он выбирает пьесу, которая целиком "расходится" на его труппе, — комедию, трагедию, анекдот. Такой театр в своей консервативности (со знаком плюс) становится твоим домом. Современный кинематограф содрогается, под ним раскалывается почва. Актеру остается только театр.

— Возможна ли дружба между актерами-коллегами?

— Возможна, хотя у меня самого друзей немного. Профессия предопределяет судьбу человека. Актер — эгоист и одиночка. Я не желаю провала никому, могу порадоваться чужому успеху. Но актер — это свой мир, и пускать в него других людей не стоит. Актеры самолюбивы, тщеславны, поэтому для них лучше дружить не с актерами. В силу своей профессии он всегда борется за первенство, и ему трудно, мучительно отступать.

— Все называют вас Сашей, и вы тоже часто говорите о себе, например, по телефону: "Это Саша Збруев". Почему?

— Во-первых, я себя действительно еще чувствую Сашей. И этот импульс я получаю извне, когда меня в лучшем случае называют Александром. Но вот на Западе церемонии не приняты, там актеров запросто называют по именам. Его имя — это и прозвище, и как бы сценический псевдоним. Но я откликаюсь только на Сашу.

— Вы любите подарки?

— Обожаю!

— Что вы любите получать в подарок и дарить сами?

— Все! Мне мало дарили в жизни подарков, мне до сих пор этого не хватает. А они мне нужны — от хороших слов до самого безумного. Можно не стесняться, я буду рад и благодарен. Вообще человек ждет хороших поступков, они его поднимают, выводят из кризиса. Актер нуждается в словах признательности, ему нужны призы, победы. Дело не в том, получил он "Нику" или нет. Ему нужны бесконечные искренние поощрения. А человеку нужны подарки. Женщинам — цветы, всякие приятные мелочи... Да, нужны.

— Любите ли вы путешествовать?

— Да, но только если с комфортом. Я бы хотел побывать везде, если только путешествие не сопряжено с изнурительными трудностями. Так что на верблюда, уносящего меня в мареве пустыни, я бы сел очень ненадолго. Хотя, наверное, это впечатляет: Египет, пирамиды, верблюд... Но я бы предпочел прокатиться в открытом "мерседесе".

— А праздники вы любите?

— Мои собственные праздники не совпадают с общественными. Раньше, до того, как я начал понимать фальшь и заидеологизированность многих праздников, я любил праздничные дни. 9 мая или 1 мая начинались для моих друзей с Арбата рано утром. Мы наливали себе портвейна (не потому, что хотели пьянствовать, а просто для настроения), и наше сборище перетекало в бесконечную толпу людей. Демонстрации, парады, гулянья — огромнейшая заведенная машина рождала особый подъем. А потом пришло понимание того, что 9 мая — праздник трагический, а 1 мая — праздник трудящихся, но мне это не нравилось.

— Приходится ли вам надевать маску?

— Пожалуй, да, но не из лицемерия или желания убедить, что все в порядке. Порой мне нравится это выражение: "keep smile" — "улыбайтесь!" Если же мне "не улыбается", я стараюсь уйти из многолюдных мест, чтобы не провоцировать вопрос: "Что случилось?" Привычка улыбаться выработалась сама собой, как вежливое поведение или правило хорошего тона. Иногда я себя не сдерживаю, и окружающие, привыкшие ко мне другому, не готовые к таким метаморфозам, пугаются.

— Вы впадаете в гнев?

— Да, да! Это ужасно, но это мой выплеск. Я бываю очень взрывоопасным, но только когда невозможно больше сдерживаться, когда уж так не хватает воздуха! Бывает, надо прорваться.

— Наедине с самим собой каков он — Александр Збруев?

— О, я так тяжело вздыхаю. В жизни я больше улыбаюсь, чем мне хотелось бы. Я не приспособился, не наигрываю, я отгоняю от себя этот вздох.

Встречалась Наталия КОЛЕСОВА.
Фото Антона ЛАНГЕ.

Александр ЗБРУЕВ:

Иногда я бываю очень взрывоопасным

имя Ван Дамма, чем наших классных интеллектуальных артистов. Не знаю, престижно ли это?

— Но ведь это важно, чтобы актера узнавали на улице, не забывали. Чтобы он появлялся на телеэкране, был "на слуху" и "на глазу".

— Взаимоотношения актера и зрителя, измеряемые категорией популярности, складываются из разных составляющих. Вот зритель, одним глазком глядя в телевизор, наливает себе кофе, а на экране в это время мелькает актер. Если зритель "застревает" на передаче больше, чем требуется, чтобы допить кофе, значит, для себя он актера отметил. Потом знакомое лицо будет вызывать у него любопытство, может быть, даже уважение. Актер, находящийся в поле зрения современного зрителя, не может пройти по улице незамеченным. С ним здороваются. Вот сейчас я шел на встречу с тобой, у перехода на Пушкинской пожилой дядька так расплылся в улыбке, что я подумал, он меня с кем-то перепутал, сейчас начнет руку жать, целоваться. А он поздоровался, как со старым знакомым, и я ответил, как старому знакомому.

— Создается впечатление, что ваш узнаваемый, многими любимый облик — стиль одежды, прическа, походка — тщательно продуман. Так ли это или вы, наоборот, пренебрегаете сознательным конструированием имиджа?

— Я даже не очень понимаю, что это такое. Хорошо бы, несколько человек, собравшись, объяснили мне наконец про мой имидж. Одно я знаю наверняка: когда я работаю, я не чувствую себя слабее, чем раньше. Во мне существует те же энергия, напор, актив. Хотя, конечно, мой сегодняшний внешний облик должен соответствовать тем нагрузкам, которые я выдерживаю. Что же касается одежды, то, как вы понимаете, не всегда можно надеть джинсы и свитер, иногда приходится и пиджак с галстуком. Приближается 2000 год, а внутри еще осталось столько пацановского, от моей арбатской компании из детства и юности.

— А вот Олег Янковский, например, сознательно хочет быть самым элегантным мужчиной современного кинематографа и старательно работает на этот образ...

— Актеры специально создают себе определенную славу. Это своего рода актерский эпатаж. Кто-то становится самым элегантным мужчиной года, о ком-то всерьез многократно повторяется, что он — секс-символ. Поскольку это происходит часто, вокруг него создаются определенные сексуальные условия.

— Такое "сексуальное большинство"?

— В некотором роде. Стремление создать вокруг себя легенду проявляется во всем — в облике человека, в его манере общения, поведения.

— Александр Викторович...

— Только давай не так серьезно.

— Саша, как вы думаете, чем отличается ваше поколение актеров — детей оттепели, вышедших из культуры шестидесятников, — от современных молодых артистов?

— Это не просто представители разных поколений, это люди с разных планет. Прожив жизнь, смотришь назад, на ту планету, откуда ты пришел, а там вроде все не про тебя, про другую очень странную жизнь. Недавно посмотрел свои старые картины — "Чистые пруды", "Мой младший брат" и почувствовал, что они окутаны каким-то неведомым флером. И современный зритель смотрит их как передачу о юге Африки, о Зимбабве, где никогда не был.

Наивность, непосредственность героев тридцатилетней давности доходит с точки зрения нынешнего поколения до глупости. Тогдашний двадцатилетний читает стихи или совершает поступок, над которым долго переживает, льет слезы, мучается, а с точки зрения современного двадцатилетнего такой поступок проще вдоха-выдоха. Если двадцатилетний сегодня едет на "Мерседесе" или на BMW — это неплохо, только это другой мир. Ребенок играет в компьютерные игры, что совершенно не укладывается в голове его родителей. Их основа основ — это старинные деревянные счеты.

У моего поколения больше сердца, чувств, оголенности, сентиментальности, больше амплитуда эмоций от того, что проходит через их сердце, больше опыт расстрелов, потерь. Современный же человек многое воспринимает глазами, видит, не переживая. Он может любить глазами, хотеть глазами. Но он не пускает этого в глубь своей души.

— Значит ли это, что современный человек более защищен?

— Человек — всегда человек, и современные переживания не мельче прошлых. Просто они другие. Эмоциональная отдача разных поколений отличается качеством. Молодые более рациональны. Поколение молодых актеров сейчас на виду, среди них множество достойных профессионалов. А вот выделяется из всех актеров Олег Меньшиков. Думаю, своим внутренним романтизмом. Не знаю, за счет чего: то ли порывистости, то ли из-за прически, которая как бы неорганизована, небрежна неспроста. Романтическое направление выдерживать всегда трудно, но эту нишу необходимо заполнить, и Олег близок к достижению идеала.

— Как вы считаете, сохранился ли в современном обществе престиж актерской профессии?

— Раньше в дни прослушиваний в театральные училища выстраивались очереди в несколько километров. Теперь все короче. Но, конечно же, престиж профессии существует. Он сохранился, но очень, как бы сказать, сузился. Сфокусировался, стал конкретнее. Современный русский актер ощущает его через престиж актеров других стран. Дастина Хофмана, Аль Пачино, Арнольда Шварценеггера узнают больше, чем наших — молодых и талантливых. Несмотря на то, что в русском кинематографе и театре множество замечательных и талантливых артистов, они остаются на втором плане. Если спросить на улице, кто сейчас популярен, вы скорее услышите